

Глава I

**ЕПАРХИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И СОСТАВ ДУХОВЕНСТВА
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ**

§1. Епархиальная власть и синодальная система

К концу XIX столетия Русская Православная Церковь значительно укрепила свои позиции в Средневолжском регионе. Духовенство энергично проводило миссионерскую, просветительскую и попечительскую работу среди православного и неправославного населения. Активно строились новые храмы, открывались церковно-приходские школы и попечительства, общества трезвости и братства. Епархии Среднего Поволжья стали играть во внутрицерковной жизни все большую роль.

Симбирская епархия была образована 16 мая 1832 года, а Самарская — 19 декабря 1850 года¹. Их епархиальными центрами стали соответственно Симбирск и Самара². Пензенская епархия возникла раньше: в 1758 году она вошла в состав Тамбовской епархии, а преосвященный именовался «епископом Тамбовским и Пензенским»³. 16 октября 1799 года была учреждена самостоятельная Саратовская епархия, причем резиденцией епископа Саратовского и Пензенского стала Пенза. С этого момента можно вести речь о возникновении Пензенской епархии, которая обрела свой официальный статус в 1803 году. 12 ноября 1828 года произошло разделение единой епархии на Пензенскую и Саратовскую, а преосвященный получил титул епископа Пензенского и Саранского⁴.

Открытие новых епархий было связано с изменением статуса Симбирска, Самары и Пензы, которые превратились в губернские города, объединив вокруг себя обширные территории Среднего Поволжья, административно разделенные на 25 уездов. Согласно существовавшему законодательству, «по всем вообще епархиям, пределы их и самое пребывание Епархиальных преосвященных, распределяется сообразно су-

¹ Епархии Русской православной церкви в России. Аннотированный указатель фондов духовных консисторий по государственным архивам Российской Федерации. М., 1996. С.13—14.

² Не лишено любопытства мнение первого самарского архиепископа Евсевия о Самаре: «Самара — точно еще дика. Самарцы не рады, что город их сделан губернским. Они жили в простоте; новые порядки им в тягость. Теперь велят и дома строить по планам, и улицы чистить: а прежде этого не было. Они в епископе нужды не сознавали и теперь, кажется, тоже», — Церковные ведомости. 1904. №36. С.1363—1364.

³ ГАПО.Ф.182.Оп.1.Л.1.

⁴ Там же. Л. 2.

ществующему разделению губерний так, что пребывание Епархиальных преосвященных учреждается в губернских городах»¹. Границы епархий совпадали с границами губерний: Симбирская епархия распространяла свою власть на восемь уездов (Симбирский, Сенгилеевский, Сызранский, Карсунский, Буинский, Алатырский, Ардатовский и Курмышский), Самарская — на семь (Самарский, Ставропольский, Бугурусланский, Бузулукский, Бугульминский, Новоузенский и Николаевский), а Пензенская — на десять (Пензенский, Городищенский, Инсарский, Керенский, Краснослободский, Мокшанский, Наровчатский, Нижне-Ломовский, Саранский и Чембарский)². В ноябре 1908 года к Самарской епархии была присоединена Уральская область, вверенная надзору викаррия Преосвященного Тихона, епископа Уральского, с подчинением ему и единоверческих приходов епархии. Вскоре, ввиду искусственности новообразования встал вопрос о превращении Уральской области в самостоятельную епархию, который, впрочем, так и не был разрешен положительно, хотя в 1910 году на этот счет был подготовлен специальный законопроект³.

К началу XX века Самарская епархия имела 1112 церквей и 86 часовен, 18 монастырей, а также несколько духовно-учебных заведений — духовную семинарию (основана в 1858 г.), Самарское, Бугурусланское и Николаевское духовные училища, епархиальное женское училище, церковно-учительскую школу (определением Св. Синода от 27 марта — 3 апреля 1907 г. ее было решено перевести из села Обшаровка Самарского уезда в Самару⁴) и 1141 церковно-приходскую школу⁵.

Симбирская епархия насчитывала 774 церкви, 192 часовни, 11 монастырей, и имела практически тот же набор духовно-учебных заведений: Симбирскую духовную семинарию (основана в 1840 г.). Симбирское, Сызранское и Алатырское духовные училища, готовившие основные кадры священно- и церковнослужителей для епархии, епархиальное женское училище и 471 церковно-приходскую школу⁶. В обеих епархиях существовали братства (святителя Николая, преподобного Сергия Радонежского, равноапостольной Марии Магдалины, Трехсвятительское — в Симбирской епархии, и Свято-Алексиевское — в Самарской), епархиальные попечительства о бедных духовного звания, епархиальные коми-

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи /ПСЗ/. СПб., 1830. Т. XXVIII. №21165.

² Архангельский Н.А. Указ. соч. С.7; ГАПО. Ф.182. Оп.1. Л.2.

³ РГИА. Ф.796. Оп.442. Д.2604. Л.1—2.

⁴ Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905—1907 гг. СПб., 1910. С.297.

⁵ Епархии Русской Православной церкви в России. С.13.

⁶ Там же. С.14.

теты Православного Миссионерского общества, отделения Российского Библейского общества. В Симбирской епархии в 1912—1916 гг. действовало церковно-археологическое общество¹.

В Пензенской епархии имелось 916 церквей, 62 часовни, 19 монастырей (7 мужских и 12 женских), женская община, 14 богаделен и 7 больниц при церквях и монастырях. Осуществлял свою деятельность целый ряд духовно-учебных заведений: Пензенская духовная семинария, Пензенское, Нижнеломовское и Краснослободское духовные училища, епархиальное женское училище, 605 церковных школ².

Регулярно издавались местные выпуски «Епархиальных ведомостей» (в Пензенской епархии с 1866 года, в Самарской — с 1867, а Симбирской — с 1876³) — специального журнала для духовенства, в котором помещались как официальные распоряжения и указы Синода и консистории, так и статьи, посвященные злободневным проблемам церковной и общественной жизни.

Синодальная система церковного управления, возникшая в результате церковной реформы Петра Великого, вполне отвечала принципам государственно-церковных отношений, в которых церкви была уготована подчиненная по отношению к светской власти роль. Церковь стала государственной. В бюрократическом языке появился новый штамп — «ведомство православного исповедания». Историки по-разному оценивают значение церковной реформы Петра, в зависимости от их отношения к самой церкви. Историк и богослов Иоанн Экономцев пишет следующее: «Реформа Петра оказалась чревата негативными последствиями для Церкви. Нарушение принципа соборности не могло не привести к определенной стагнации церковной жизни. Разверзлась брешь между центральной церковной властью, назначаемой и действующей по указу государя, и поставленными в полную зависимость от нее епархиальными архиереями»⁴. Либеральный историк П.Н. Милюков придерживается иного мнения: «...Национализация церковного устройства есть совершенно естественное последствие охранительного характера восточной церкви. ...«Смирение» высшего руководящего слоя русского духовенства перед верховной властью и ее представителем, обер-прокурором Синода, осталось характерной чертой русского строя вплоть до револю-

---

¹ Епархии Русской православной церкви в России. Аннотированный указатель фондов духовных консисторий по государственным архивам Российской Федерации. С. 14.

² Там же. С. 11.

³ Епархии Русской православной церкви в России. С. 11, 13, 14.

⁴ Игумен Иоанн (Экономцев). Национально-религиозный идеал и идея империи в Петровскую эпоху / к анализу церковной реформы Петра I // Православие, Византия, Россия. М., 1992. С. 160.

ции 1917 г.»¹ Справедлива точка зрения Г. Зайцева: «...О церковных реформах Петра в литературе имеется много противоположных высказываний. Одни историки, например, Никольский Н., рассматривают Петра как представителя свободомыслия и все его церковные реформы расценивают как близко стоящие к атеизму. Другие историки, как В. О. Ключевский, склонны видеть в Петре глубоко религиозного и даже суеверного человека. Мы не можем согласиться ни с теми, ни с другими. Мы должны к церковным реформам Петра подойти с тем же критерием, с каким подходим ко всей его политике. ...Он подчинил церковь и религию интересам господствующих классов, превратил церковь в часть государственного аппарата, служащего интересам возвышения и укрепления дворянской империи»². Несмотря на столь полярные утверждения, в них содержится одна общая мысль: синодальная система была помехой для духовного развития и самостоятельности церкви, превращая ее в послушное орудие монаршей воли.

Синодальная система в своих главных чертах сложилась в царствование Николая I и просуществовала с незначительными изменениями до Февральской революции 1917 г.³ Западный историк Русской православной церкви Дмитрий Поспеловский писал: «После целого века интеллектуальных и религиозных шатаний, задуманная Прокоповичем и Петром I синодальная система окончательно оформилась в эпоху Николая I как деспотическая диктатура гражданского чиновника обер-прокурора над Синодом и духовенством вообще. Оба обер-прокурора этой эпохи, масон С. Нечаев и генерал С. Протасов, откровенно презирали епископат. Своё назначение обер-прокурором Протасов выразил следующими словами в письме приятелю: «Теперь я главнокомандующий церкви, я патриарх, я чёрт знает что ...» Это он определил церковь как «ведомство православного исповедания»⁴. Император являлся верховным главой церкви, верховным арбитром в церковных делах. Как гласили Основные Законы, «император, яко христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правотверия и всякого в Церкви святой благочиния»⁵. Ему подчинялись обер-прокурор и члены Св. Синода, который, «как духовное Соборное Правительство, имеет власть всякие духовные дела во всероссийской церкви управлять...»⁶

¹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 173.

² Зайцев Г. Пётр I и церковь // Антирелигиозник. 1939. №7. С. 23, 26.

³ Русское православие: Вехи истории. С. 328.

⁴ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. С. 19.

⁵ Свод Законов Российской Империи. СПб., 1857. Т. 1. Зак. Осн. Ст. 42.

⁶ Полное Собрание Постановлений и Распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. №1 за 25 января 1721 г.

Синод имел тот же круг полномочий в духовных делах, что и Сенат — в светских¹. Обер-прокурор фактически выступал в роли государственного министра. Он имел собственную канцелярию, помогавшую ему в разборе текущей документации, подготавливавшую проекты распоряжений и указов для обсуждения синодальным собранием иерархов. Присутствующие в Синоде епископы не освобождались от управления вверенных им епархий².

Епархиальная система управления, получившая название консисторской, по своей структуре повторяла центральную. Во главе епархии находился епископ, а консистория играла роль епархиального правительства. Система епархиальной власти состояла из следующих основных звеньев: института епископальной власти (архиерей, викарий, архиерейский дом); духовной консистории (секретарь и канцелярия, духовное присутствие); приходской организации (институт благочинных, съезды приходского духовенства, местные причты). Первые два звена образовывали епархиальное правление, или, как именовалось в документах, «епархиальное начальство». В историографии утвердилось мнение, что такая «структура церковного управления вела к строгому отделению административно-хозяйственных функций от функции «хранителя веры», то есть идеологической. Это обстоятельство порой служило основанием для разногласий лиц, представлявших эти два направления»³. Эти разногласия проявлялись как на центральном, так и на епархиальном уровнях системы церковного управления. В последнем случае они были менее заметны ввиду того, что власть в епархии была сосредоточена в руках духовных лиц — архиереев и членов духовной консистории. На откуп духовенству была отдана и административно-хозяйственная функция.

Епископ, полновластный глава епархии, назначался на ту или иную кафедру и смещался с нее указом Св. Синода. «Епархиальные преосвященные и викарии избираются Св. Синодом и из представленных последним трех кандидатов назначаются Высочайшею властью»⁴. Таким образом, решающее слово в выборе епископа оставалось за монархом. У архиерея имелся собственный штат, выполнявший канцелярские и административно-хозяйственные дела. Он состоял из канцелярии и ряда должностных лиц — эконома, казначея, занимавшихся вопросами финансового содержания епископа и его штата, несколько послушников и

---

¹ Полное Собрание Постановлений и Распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. № 112 за 31 мая 1721 г.

С.30. Устав духовных консисторий. Ст.280.

² ПСЗ. Т.VII. №4959.

³ Русское православие... С. 330.

⁴ ПСЗ. Т. VI. №3734.

монашествующих¹. Канцелярия епископа возглавлялась секретарём. Так в 1905 г. секретарём канцелярии епископа Самарского и Ставропольского был Н. Тихомиров². Самарский епископ проживал в каменном двухэтажном доме. Его комнаты находились на втором этаже, а первый занимали братские кельи и канцелярия. До 1878 г. архиерей и его штат не имели постоянной резиденции, размещаясь в частных домах, пока, наконец, городские власти не отвели для них специальные помещения³. Хозяйством архиерейского дома руководил эконом, назначавшийся самым преосвященным. Право контроля над имуществом архиерейского дома принадлежало духовной консистории. Согласно статье 108 устава духовных консисторий, она «поверяет экономические книги архиерейского дома и ежегодно свидетельствует целостность собственности одного посредством кого-либо из доверенных духовных лиц»⁴. В отдельных случаях, для более эффективного управления или успешного проведения миссионерской работы, в помощь епископу назначался vikar. «В видах ослабления раскола и доставления епархиальным преосвященным, обремененным ныне текущими делами, возможности обратить на означенный предмет усиленное внимание, признано весьма полезным и нужным учредить vikarных в тех епархиях, где содержание vikarных Архиереев может быть обеспечено предоставлением в их распоряжение достаточных монастырей»⁵. Так, 30 июня 1912 г. архимандрит Алатырского Свято-Троицкого монастыря Назарий был назначен Синодом vikарным епископом Алатырским на вновь учрежденную кафедру в Симбирской епархии. Это было сделано в целях улучшения результатов миссионерской деятельности⁶.

Другим важнейшим органом управления епархией являлась духовная консистория, состоящая из канцелярии и духовного присутствия. Последний вариант устава духовных консисторий был Высочайше утвержден 9 апреля 1883 г. Статья 1 устава гласила: «Духовная консистория есть присутственное место, чрез которое, под непосредственным началом Епархиального Архиерея, производятся управление и духовный суд в поместном пределе Православной Российской Церкви, именуемом епархией»⁷. Члены консистории избирались из архимандритов, игуме-

---

¹ ЦГАСО. Ф.32. Оп.11. Д..286.Л. 24.

² Там же. Оп. 7. Д. 4735. Л. 21.

³ Там же. Оп. 11. Д. 286. Л. 24.

⁴ Устав духовных консисторий. Ст. 108.

⁵ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного вероисповедания. СПб., 1885. Т.1. С. 112.

⁶ Симбирские епархиальные ведомости. 1912. №14. С. 516—518.

⁷ Устав духовных консисторий. СПб., 1911. Ст. 1.

нов, иеромонахов, протоиереев и иереев, «заслуживающих преимущественное доверие по образованности, опытности, примерному поведению и правдолюбию». По представлению епископа они утверждались Синодом. Так в 1870-х гг. членами Самарской духовной консистории были протоиереи Иоанн Халколиванов, Алексей Кротков, Александр Цареградский, и священник И. Третьяков, а в 1910-х гг. — протоиереи Софотёров (от Спасо-Преображенской церкви), П. Введенский (от кафедрального собора), А. Третьяков (от Вознесенского собора) и священник Покровской церкви А. Ключарев¹.

На заседаниях присутствия рассматривались дела, имевшие важное значение для жизни епархии, серьезные жалобы и обращения духовенства. Велся специальный журнал, где кратко излагались суть вопроса и вердикт членов присутствия по поводу его решения². Епископ не участвовал в прениях в присутствии, но мог затребовать то или иное дело для личного ознакомления. В целом, функция консистории состояла в том, чтобы взять на себя разбор основной массы бумаг, освободив от этого занятия канцелярию епископа, а его самого — от формальной бюрократической рутины. По меткому выражению одного из авторов, «консистория — это фабрика бумаг»³. Преосвященный лично знакомился лишь с теми документами (прошедшими уже через консисторию), в которых излагались наиболее серьезные проблемы, волновавшие духовенство. Нередки были случаи, когда епископ, имея дело только с личными бумагами консистории, не видел и не представлял реальной жизни вверенной ему епархии, особенно при кратковременном пребывании на кафедре.

Текущей документацией занималась консисторская канцелярия, руководимая секретарем, который координировал работу нескольких канцелярских отделов — «столов», возглавлявшихся столоначальниками. Прочий штат канцелярии составляли казначей, регистратор и служащие. Все чиновники консистории являлись светскими лицами в отличие от должностных лиц архиерейского дома.

Секретарь играл в работе консистории ключевую роль. Он назначался Синодом по предложению обер-прокурора, в отличие от прочих канцелярских служащих. Статья 285 устава духовных консисторий гласила: «Секретарь консистории, находясь под ближайшим начальством Епархиального Архиерея, состоит вместе с тем в непосредственном ве-

---

¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7097. Л. 159.

² Там же. Оп.6. Д.7076. Л.3.

³ Архимандрит Михаил. Почему нам не верят? К церковной реформе. О церковно-общественных злобах дня. СПб., 1906. С. 103.

дении обер-прокурора Синода, как блюстителя за исполнением законных постановлений по духовному ведомству, и обязан исполнять все его предписания»¹. Таким образом, положение секретаря в системе консисторского управления было двойственным. С одной стороны, он подчинялся епископу, а с другой, должен был следить за исполнением закона в деятельности консистории, отношениях ее с архиереем. Он назначался и увольнялся обер-прокурором Синода и был с ним напрямую связан. Ни одна бумага, поступающая в консисторию, не могла иметь хода без ведома секретаря, который «не имея звания члена присутствия, не входя в его состав, ... в сущности есть руководитель и контролер присутствия»². В делах консистории секретарь был вполне самостоятелен: «он может протестовать и против единогласных постановлений присутствия, если находит, что они противоречат законам; в таком случае он прямо ставит членам присутствия на вид свои представления против их единогласного решения, и если они не будут уважены членами, отмечает о том в журналах и подает архиерею рапорт, и излагает эти представления»³. Таким образом, секретарь подчиняется епископу только формально. Фактически он настолько независим от епископа, что одновременно с ним представляет обер-прокурору срочные сведения о деятельности духовной консистории. Кроме того, он представляет и свои секретные донесения⁴. Такая ситуация в консисторском управлении породила волну критики сторонников реформ⁵. Один из авторов прямо писал, что «секретарь посылается для контроля и надзора за архиереем. Он не только его помощник, но и судья его действий. Епископу, конечно, невыгодно с ним ссориться и смотреть как на подчиненного. Архиерею приходится предоставить секретаря «воле его», и секретарь использует свое положение как умеет. Положение секретаря несомненно допускает, даже почти обязательно создает в нем «временщика»⁶. Столь же непонятными с точки зрения реформаторов были и взаимо-

---

¹ Устав духовных консисторий. Ст. 285.

² Архимандрит Михаил. Указ. соч. С. 109.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Союз церковного обновления, возникший на волне революции 1905 г., выступал за скорейший созыв Всероссийского поместного собора, который бы рассмотрел насущные проблемы и поспособствовал их разрешению. Священники-обновленцы настаивали на необходимости глубоких преобразований в церкви, чтобы преодолеть кризис, в котором она оказалась. — См. напр.: К церковному собору. Группа 32-х петербургских священников. СПб., 1906; П.Н. Зырянов, к примеру, считает, что «обновленцы 1905 г. ещё не были носителями буржуазной реформации, они лишь робко стучались в её двери». — Зырянов П.Н. Указ. соч. С. 103.

⁶ Там же. С. 110—112.

отношения епископа и членов консистории. «Место епископа в консистории более чем странно, — рассуждает тот же автор, — Консистория — собор при епископе. Но тогда почему не допускается председательство его в консистории? Очевидно, консистория — не совет, а самостоятельное учреждение. Но вполне ли? Сказать трудно»¹. Если обратиться к уставу духовных консисторий, то исчезнут последние сомнения относительно несамостоятельности, консистории: «В случае, когда даже при единогласном решении (членов присутствия — А.М.) Епархиальный Архиерей усмотрит, что дело изложено недостаточно, или, что при исследовании упущены такие обстоятельства, которые могли бы ближе объяснить предметы, подлежащие рассмотрению, или что решение не согласно с законами, он предлагает консистории пересмотреть дело или дополнить его нужными обстоятельствами, и затем постановить решение»². Правда, оговаривалось, что «члены консистории при рассмотрении указанных обстоятельств могут остаться при прежнем мнении». В этом случае епископ «полагает собственное решение, которое и приводится в исполнение»³. Кроме того, епископ мог удалить члена присутствия от участия в заседаниях либо по причастности его к рассматриваемому делу, либо по важному обвинению, во-первых, назначить временных членов присутствия, известив об этом Синод, во-вторых, и утвердить расписание дел по отделениям и столам, назначив на каждый стол по особому члену для наблюдения за его работой, в-третьих⁴. Как подчеркивает архимандрит Михаил, эта двойственность исключает возможность всякой юридически-правильной деятельности епархиальной власти. Сильный епископ игнорирует консисторию, считая ее своей домашней канцелярией. Епископ же осторожный, наоборот, спасаясь от ответственности, пользуется неясностью положения консистории, чтобы спрятаться за ее авторитетом. Такой епископ все дела сдает на рассмотрение консистории и за ней «спасается» от всякой инициативы, от всякого внебумажного дела. Епископ добровольно отменяется консисторией, что еще хуже»⁵.

Духовная консистория являлась высшим административным, судебным и распорядительным органом епархии. Указы Синода поступали на имя архиерея, а от него — в консисторию. Когда кафедра не была занята, все указы поступали в консисторию⁶. В целом в сфере деятельности кон-

¹ Зырянов П.Н. Указ.соч. С. 105.

² Устав духовных консисторий. Ст. 329.

³ Там же. Ст. 330.

⁴ Там же. Ст. 281.

⁵ Архимандрит Михаил. Указ. соч. С. 106.

⁶ Устав духовных консисторий. Ст. 358.

систории находились кадровые вопросы, метрикация, суд над лицами духовного звания по внутрицерковным проступкам, а также над светскими лицами в области семейно-брачных отношений. Консistorия управляла всеми духовно-учебными заведениями епархии, церковно-приходскими школами через духовный училищный совет и его местные отделения, контролировала процесс создания церковно-приходских попечительств и советов, в ее ведении находились попечительство о бедных духовного звания и православный миссионерский совет.

Как уже отмечалось, канцелярия консистории делилась на отделы. Так, канцелярия Симбирской духовной консистории включала в себя секретарский и пять прочих отделов или «столов», каждый из которых выполнял особые функции. Секретарский стол подготавливал циркуляры консистории по тем или иным вопросам, координировал работу епархиальных съездов духовенства и обрабатывая материалы по ее итогам, анализировал рапорты благочинных, составлял отчеты о состоянии епархии и так далее. В функции 1-го стола входили регистрация и учет благосостояния церквей и монастырей, приходов их бюджета, наличия церковно-приходских попечительств и церковных библиотек, учет монашествующих, а также всяческое наблюдение за жизнью и бытом духовенства и особенно за его нравственным состоянием, совершением церковных обрядов, рукоположение в священнический сан, выдача документов, назначение, перемещение, отпуск, увольнение и перевод на пенсию священнослужителей, назначение пенсии им и их семьям¹. Функции 2-го стола состояли в надзоре за правильным совершением церковных обрядов по заключению и расторжению браков, за нравственностью священнослужителей и прихожан, в дознании и расследовании неблаговидных поступков священнослужителей². Функции 3-го стола заключались в регистрации, оформлении и выдаче актов гражданского состояния, наблюдении и борьбе с распространением раскола и сектанства³.

Четвертый стол осуществлял контроль за имущественным состоянием церквей, церковным землевладением, строительством церквей, их освящением, открытием новых приходов⁴. И, наконец, 5-й стол занимался вопросами метрикации православного народонаселения (наибольший объем дел приходился как раз на этот стол). Таким образом, можно отметить, что сфера компетенции не была строго разграничена,

---

¹ ГАУО. Ф. 134. Оп. 3. Л. 3.

² Там же. Оп. 6. Л. 1.

³ Там же.

⁴ Там же. Оп. 8. Л. 2.

поэтому одними и теми же вопросами ведали одновременно несколько столов (такими как, например, надзор за нравственностью и поведением священнослужителей, совершением обрядов, материальным положением причта и т.д.).

Отдельно от духовной консистории при каждой епархиальной кафедре существовало попечительство о бедных духовного звания, которое распоряжалось пособиями для призрения священнослужителей и их семей, нуждавшихся в средствах¹. Попечительство состояло из шести членов, избираемых из белого духовенства и из монашествующих. К примеру, членами Самарского Епархиального попечительства о бедных духовного звания в 1900 г. были протоирей К.А. Софотёров, священники И.Г. Беневольский, В.А. Успенский, А.А. Докукин, коллежский ассесор В.Ф. Утехин², а в 1914 г. — протоирей И.Г. Беневольский, Е.Н. Веригин, священники А.А. Докукин, А.С. Ключарев, С.Ф. Богородицкий, коллежский регистратор Л.А. Орлов³. Для исполнения своих поручений по епархии попечительство имело от одного до трех сотрудников в каждом уезде из числа городского или сельского духовенства⁴. Попечители утверждались преосвященным по представлению консистории. Само попечительство состояло под непосредственным началом архиерея.⁵ В функции попечительства входило: 1/ сбор по книгам благотворительных приношений, 2/наблюдение за кружечным сбором и 3/доставление призрения тем священнослужителям, «кто имеет в этом истинную потребность»⁶. Ежегодно попечительство составляло подробный отчет о своей деятельности, который вместе с приходно-расходной книгой поступал к епископу.

На уездном уровне епархия состояла из благочиннических округов, каждый из которых возглавлялся отцом благочинным. Существовали и городские благочинные округа, например, Самарский и Симбирский. В каждом уезде имелось 4-5 благочиний. Самарская епархия состояла из 54 благочинных округов, Симбирская и Пензенская — из 40⁷. Должность благочинного как помощника епархиального архиерея была учреждена в 1721 году в соответствии с Духовным Регламентом и синодальным законодательством: «Духовным регламентом вменено в обязанность епи-

¹ ПСЗ. Т. XXXVIII. № 29583.

² Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1901 год. С. 195.

³ Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. С. 59.

⁴ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений... С. 177.

⁵ Там же. С. 149.

⁶ Там же. С. 180.

⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7097. Л. 159; РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2164. Л. 4.

скопу, в видах тщательного и успешного его надзора, учинить приказ по всем городам, чтобы протопопы, или нарочно определенные к тому благочинные как духовные фискалы все относящееся к епископу насматривали и ему доносили»¹. Различались благочинные приходских церквей, благочинные монастырей и старшие благочинные. Благочинные назначались епископом «по личному внимательному выбору из беспорочных, опытных, усердных и наиболее деятельных священнослужителей, преимуществующих сверх того перед другими основательностью в суждении и назидательным поведением»². Под надзором каждого благочинного находилось от 10-ти до 30-ти окрестных церквей с их причтами. В его обязанности входило наблюдение за благоустройством, строительством и содержанием церквей, надзор за монастырями, за исполнением богослужений, ведением метрических, приходно-расходных, обыскных книг и т.д. Специально указывалось, что «благочинные обязаны иметь прилежное смотрение за тем, чтобы духовенство пребывало в трезвости, о предающихся нетрезвости доносить епархиальному архиерею без всякого укрывательства»³. Церковные или светские власти не имели права чинить благочинному препятствия в его действиях⁴. Протоиерей или священник, прослуживший в должности благочинного 12 лет подряд, награждался орденом Св. Анны 3-й степени⁵.

Практика выбора благочинных на общем съезде приходского духовенства, имевшая место в ряде епархий (в том числе, и средневолжских) после реформ Александра II, была отменена указом Св. Синода в 1881 г.⁶ Это стало одним из первых решительных проявлений консервативной политики обер-прокурора Константина Победоносцева, направленной на то, чтобы исключить всякую инициативу со стороны приходского духовенства, выходящую за рамки дозволенного официальными властями. Если его предшественник Дмитрий Толстой, боясь революции и распространения атеизма, проводил либеральные реформы сверху, то Победоносцев стремился избегать любых реформ и, по-возможности, сократить до минимума значение уже осуществлённых. Речь идёт, в первую очередь, о наследии Толстого. Решительной ревизии подверглись положения о выборах благочинных и депутатов на епархиальные съезды

---

¹ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений... С. 163.

² Там же.

³ Там же. С. 164.

⁴ Там же.

⁵ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений... С. 165.

⁶ Епархии Русской православной церкви в России. С.2.

духовенства. Помимо благочинного, избирался также благочиннический совет, состоявший из нескольких священников и помогавший благочинному при ведении дел. От кандидата на должность благочинного требовались соответствующие личные качества, высокий уровень образования и беспорочная репутация. Кроме того, кандидат должен был пользоваться влиянием в своем округе среди прихожан и духовенства, чтобы успешно осуществлять свою деятельность. Весьма показательна в этом плане биография благочинного одного из округов Николаевского уезда Самарской губернии Иоанна Ильинского. После окончания курса Олонецкой духовной семинарии в 1886 году он был направлен псаломщиком в с. Красный Яр той же губернии, а затем служил в качестве священника в нескольких сёлах. Спустя десять лет он стал членом благочиннического совета, а затем — помощником благочинного. Параллельно он занимался преподавательской деятельностью в качестве законоучителя в церковно-приходской и сельской школах с. Ивановки-Криволучье Николаевского уезда. В 1899 он был назначен благочинным и имел ряд наград — набедренник, скуфью, камилавку, наперстный крест¹.

Важным звеном в системе консисторского управления были благочинные и общепархиальные съезды духовенства. Они возникли практически одновременно — около 1867 г. Предметом деятельности благочинных съездов являлись «обмен мыслей и опыта в области пастырского служения, изыскание мер к устранению недостатков в церковно-общественном строе жизни, выбор депутатов на епархиальные и окружные съезды, членов совета (благочиннического — *А.М.*), духовника, духовных следователей, цензоров проповедей, изыскание средств на открытие и расширение окружных библиотек, а также раскладка взносов на пособия вдовам и сиротам округов»². Со временем «братское» обсуждение вопросов пастырской практики и проблем церковно-общественной жизни почти совершенно выпало из сферы компетенции благочинных съездов. Они потеряли самостоятельное значение, превратившись в подготовительную комиссию училищных съездов и выборное собрание³. Впрочем, даже выборы не гарантировали того, что должность благочинного займет известный и достойный священник. Как справедливо отмечал один автор, «скупость и скудость духовенства отбивают всякую охоту искать депутатства». И приводил в подтверждение своих слов такой пример: «Выборы депутатов в одном из уездов были уже закончены,

¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 334. Л. 36—37.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1735. Л. 6.

³ Архимандрит Михаил. Указ. соч. С. 100.

когда в собрание явился запоздавший священник. Первый вопрос его был: а кто выбран? Называют. А какая сумма на содержание? — Пятнадцать, примером, рублей. — Я еду за пять, — предлагает опоздавший к выбору. И духовенство согласилось»¹. При таких условиях, в депутаты, а затем в благочинные попадали далеко не лучшие представители приходского духовенства. Большим недостатком съездов была неопределенность при подсчете голосов присутствующих. В некоторых епархиях священники имели полный голос, дьяконы и псаломщики — половину и две трети, а исправляющие должность псаломщика — треть голоса, в других (Симбирской) дьяконы и псаломщики имели по полголосу, а в третьих — не имели его вообще².

Епархиальные съезды духовенства родились в результате либеральных реформ 1860-х гг. «В съездах почти из ничего создано сильное учреждение потому, что в основе учреждения лежали истинно канонические начала «свободы и совещательной деятельности», — пишет архимандрит Михаил, — «Епископ правит по совету и через пресвитеров». Такова каноническая норма. По терминологии «апостольских постановлений», пресвитерство есть управляющий и судящий — только не в окончательной форме — «голос», стоящий необходимо вместе с последним «решением» епископа. В Русской Церкви мы не знаем «пресвитерского совета» как постоянного учреждения; однако и здесь сама необходимость создала орган, через который приняло участие в управлении епархией пресвитерство³. Речь идет о так называемых «собориках» — съездах священников в допетровской Руси, первоначально созывавшихся для «поучения от архиерея», а затем превратившиеся в совещания об епархиальных делах.

Первоначально задачей епархиальных съездов являлись выборы членов правления от духовенства в духовные училища и семинарии, а также изыскание средств для поддержки духовных школ. Однако заботой о школах съезды не ограничились. Мало-помалу они приобрели право обсуждать экономические вопросы и организовывать сословную взаимопомощь. Благодаря им возникли кассы взаимопомощи духовенства и эмеритальные. Съезды хлопотали о строительстве домов для священнослужителей. В помощь бедным духовного звания съездами были организованы общепархиальные и окружные попечительства. В ведение съездов перешли приюты и богадельни для сирот священнослужителей⁴. Кроме того, они оказывали помощь в создании благотворительных

¹ Архимандрит Михаил. Почему нам не верят? К церковной реформе. О церковно-общественных злобах дня. С. 97.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 88.

и даже епархиальных библиотек. Так, например съезд духовенства Самарской епархии сессии 1895 г. (с 25 мая по 7 июня), состоявший из 43 депутатов (председателем был избран протоиерей Николай Ласточкин), образовал комиссии для рассмотрения следующих вопросов: 1) о ревизии Самарского епархиального свечного завода, 2) об осмотре дома, предлагаемого Советом епархиального женского училища приобрести в собственность, 3) об осмотре дома в Самаре для помещения епархиальной богадельни имени императора Александра III, 4) о проекте по устройству епархиальной типографии в Самаре, 5) о проверке отчётов о состоянии эмеритальной кассы духовенства и всех дел, касающихся этого учреждения¹.

Однако церковные и светские власти постепенно стали с опаской относиться к этой неожиданной сплоченности духовенства. Выборы депутатов и сам способ их совещаний показались им подозрительными. Поэтому был утвержден порядок назначения депутатов только из благочинных. Проведение съездов было поставлено под контроль епископа. В некоторых епархиях съезды собирались лишь раз в 3—5 лет. Часто случалось так, что архиерей запрещал обсуждать на съезде те вопросы, о которых можно было свободно высказываться при его предшественнике. В отдельных случаях архиерей мог отстранять законно избранного председателя съезда и назначать своего. Это особенно важно подчеркнуть, так как председатель являлся ключевой фигурой в работе съезда. Он не ограничивался только составлением повестки заседания или внесением того или иного вопроса на обсуждение, а нередко сам предрешал его, ставя депутатов в положение безмолвных статистов. Если, несмотря на это, депутаты все-таки пытались разобраться в существе дела и не склонны были поддерживать мнение председателя, тот прибегал к помощи своих сторонников, которые срывали ход заседания. Конечно, вышеописанное имело место не везде. Там более показательны свидетельства депутатов, которые признавались, что ехали на съезд за 300—400 верст, чтобы заниматься там совсем не тем, чем бы они желали². При таких условиях съезды приходского духовенства далеко не всегда являлись действенным инструментом епархиальной власти.

Низшей административной единицей епархии являлся церковный приход во главе с причтом. Причт включал в себя священно- и церковнослужителей (иерей, дьякон, иподьякон, пономарь, чтец, дьячок и пр.)³ Причты различались по количеству штата. Согласно церковному зако-

¹ Самарские епархиальные ведомости. 1895. № 15. С. 211—212.

² Там же. С. 95.

³ Епархии Русской православной церкви в России... С. 12.

нодательству, «во всех епархиях, за исключением западных и закавказских, церковные причты в приходах менее 700 душ мужского пола, состоят из священника и псаломщика, а в приходах, имеющих более 700 душ — из священника, дьякона и псаломщика»¹. Особо подчеркивалось, что «в городах, равно и в селах, при существовании особых местных средств к обеспечению духовенства, преосвященным предоставляется назначать дьяконов и при меньшем числе прихожан»². Минимальным был штат из двух человек (священник и псаломщик), а максимальным — из семи. Еще большим по численности был причт кафедральных соборов. По штатам, утвержденным 27 декабря 1867 г., он состоял из протоиерея, ключаря, двух священников, протодьякона, двух дьяконов, двух иподьяконов и двух псаломщиков³. Нередко штаты бедных и малонаселенных приходов подвергались сокращению или перераспределению между соседними приходами. Одним из решительных шагов в этом направлении стал указ Св. Синода от 16 апреля 1869 года о сокращении приходов и причтов. Он немедленно вызвал стенования духовенства по всей стране. Исследователи отмечают, что эта мера была явно неудачной⁴. Средняя численность прихода по России увеличилась с 1600 до 2200 душ, а число служащего духовенства сократилось в 1,2 раза. Но одновременно уменьшились и пожертвования прихожан на содержание духовенства, реже стала оказываться ими помощь причту в обработке церковной земли⁵.

Хозяйством каждой церкви и всем ее имуществом заведовал церковный староста, избираемый из числа прихожан. Статья 94 устава духовных консисторий гласила, что церковные старосты должны избираться к церквям, имеющим своего священника⁶. Но даже если такого священника не было, прихожане были вправе избрать церковного старосту. Тем самым прихожане до известной степени могли контролировать состояние церковного хозяйства и оказывать влияние на его развитие. Церковный староста утверждался епархиальным архиереем на три года, после чего мог быть сменен⁷. Должность церковного старосты по своему значению была сопоставима с выборными должностями городского управления. Поэтому, согласно законодательству, «церков-

---

¹ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений... С. 362.

² Там же.

³ Там же. С. 361.

⁴ Римский С.В. Ук. ст. С. 44.

⁵ Там же.

⁶ Устав духовных консисторий. Ст. 94.

⁷ Там же. Ст. 95.

ного старосту не должно определять ни в какие другие по выборам должности»¹.

Таким образом, система епархиальной власти включала в себя несколько основных элементов: во-первых, епархиальное правление, состоящее из архиерея и членов духовной консистории, во-вторых, разветвленную сеть благочинных, ответственных в своих действиях перед епархиальным правлением, и, в-третьих, причты приходских церквей, избиравшие из своей среды депутатов епархиальных съездов и (до 1881 г.) благочинных с их помощниками. Структуру епархиального управления определял Устав духовных консисторий, введенный обер-прокурором Н.А. Протасовым в начале 1840-х годов. Именно к этому времени консисторская система окончательно сложилась в своих главных чертах и приобрела устойчивость, просуществовав без особых изменений до 1917 г. Все внутрицерковные преобразования в указанный период преследовали, в конечном счёте, одну цель — укрепление позиций церкви для более действенной поддержки самодержавия.

§2. Церковный приход в русской провинции: становление церковно-общественного самоуправления

Эпоха либеральных преобразований Александра Освободителя, имевшая огромное значение для светской жизни, не прошла бесследно и для Русской Православной Церкви. Преобразования, проводившиеся императорским правительством, но инициированные либеральными кругами общества, привели к изменению социального статуса духовенства в направлении постепенного раскрепощения и обретения необходимых гражданских прав, а также к трансформации приходской системы церковного управления, в которой появились элементы выборности. Оба процесса протекали параллельно и в перспективе преследовали одну общую и важную цель — добиться, хотя бы и в рамках самодержавной системы, самостоятельности церкви как в делах, касающихся внутреннего церковного управления, которое требовало своей оптимизации, так и в отношении с обществом и государственными институтами. Открыто высказывалось мнение о восстановлении патриаршества. Понятно, что подобные настроения вызвали определенные опасения в кругах высокопоставленных чиновников и приближенных императора, а также среди представителей высшей церковной иерархии, многие из которых входили в Св. Синод.

---

¹ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений... С. 376.

На страницах духовных журналов того времени («Православный собеседник», «Духовная беседа», «Христианское чтение» и др.) разгорелись жаркие дискуссии относительно путей и способов будущих церковных реформ¹. Издатели объясняли это следующим: «В то время, когда государственная власть и само общество заняты только о благе народном, православная церковь, обладающая драгоценным сокровищем, назначенным для блага целого человечества, не может не высказать и своей собственной заботы о благе того народа, среди которого она живёт»². Итогом дискуссий стало общее убеждение их участников в том, что начинать преобразования следует с реформы прихода. Такие известные публицисты и ученые как А.Н. Муравьев, М.П. Погодин, М.Н. Катков высказывались за скорейшую приходскую реформу. Почему именно она должна была стать стержнем всех дальнейших церковных преобразований? Следует обратить внимание на ряд важных моментов. Во-первых, без реформирования приходской системы теряли всякий смысл полученные гражданские права и свободы духовенства, ибо в этом случае они большей частью остались бы только юридическими, а не фактическими правами. Во-вторых, перед духовенством как никогда остро встал вопрос о материальном обеспечении, которое во многих приходах было неудовлетворительным. Реформирование прихода должно было разрешить и эту проблему. В-третьих, многие священнослужители с тревогой отмечали неудержимое падение авторитета духовенства, которое происходило главным образом из-за поборов, на которые вынуждено было идти духовенство, чтобы как-то обеспечить свое существование, в большинстве случаев такая практика приводила к конфликтам с прихожанами. Необходимо было преодолеть двусмысленное положение, в котором очутилось духовенство, когда с одной стороны оно призывало прихожан подумать о вечных истинах, а с другой, само неспособно было подать пример пастве, потому как его помыслы лежали преимущественно в материальной плоскости.

Приходская реформа должна была помочь решить насущные проблемы духовенства, связать воедино разрозненные законодательные положения по преобразованию церковной жизни. Программа приходской реформы, изложенная на страницах духовных журналов, носила явный налет либерализма и была настороженно встречена правительством, даже таким реформаторским, каким оно было в 60-е гг. при Алексан-

---

¹ В обсуждение церковных проблем активно включились и светские издания — «День», «Московские ведомости». — Папков А. Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-Освободителя. С. 97—98, 102, 104.

² Освальт Ю. Ук. ст. С. 141.

дре II. Эта программа — условно назовем ее «общественной» в противопоставление появившейся позднее правительственной — состояла из следующих положений:

- признать приход юридическим лицом;
- предоставить причту право распоряжаться собранными в приходе суммами;
- создать представительство прихода перед правительством и на суде;
- создать систему избрания священнослужителей на различные должности;
- закрепить юридически и фактически за духовенством широкие гражданские права;
- содержать членов причта только на средства прихода, и
- признать приход низшей земской единицей¹.

В особенности интересен последний пункт программы, позволяющий провести любопытные параллели между земским и приходским самоуправлением. Земства были представительными учреждениями дворянства, воплотившими в себе стремление последнего к независимости, самостоятельности и самоуправлению. Выполняя чисто хозяйственные функции, земства пытались играть и политическую роль общественной власти на местах, правда, неудачно. Приходское самоуправление должно было возродить древнюю функцию прихода как всесословного учреждения, органически выросшего на русской почве и воплощающего в себе символ единства церкви и общества. Однако общественный проект реформирования прихода так и остался проектом, не получив одобрения в правительстве. В 1862 году по инициативе министра внутренних дел Петра Валуева было создано Особое Присутствие для рассмотрения вопроса об улучшении быта белого духовенства, которое разработало свою программу. Она и стала осуществляться в дальнейшем (так называемая «правительственная» программа). Основное внимание в ней акцентировалось на решении проблемы материального обеспечения духовенства. Реформа прихода как таковая теряла свое самостоятельное значение, которое предусматривалось общественной программой, и ориентировалась исключительно на удовлетворение насущных нужд духовенства, что не могло не сказаться на характере ее распространения и функционирования.

Очевидно, что ухудшение быта и условий жизни духовного сословия было детерминировано гораздо более глубокими причинами, чем те, на которые ссылались псевдореформаторы из Св. Синода и Особого При-

---

¹ Папков А. Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-Освободителя. С. 182.

сутствия, утверждавшие, что общество отвернулось от церкви. Дело, видимо, заключалось в разладе самой церковной жизни, снижении профессиональной квалификации и моральных качеств священнослужителей и масштабном кризисе всей системы церковного управления.

На первом заседании Присутствия, состоявшемся 17 января 1863 г., было решено обратиться к местным архиереям с тем, чтобы они представили свои соображения относительно будущих церковных преобразований. Присутствие собиралось на заседания 72 раза, до начала 1882 года, а 16 февраля 1885 г. оно было закрыто. 28 заседаний состоялись в первые четыре года¹. Присутствие признало приоритетными следующие направления церковных реформ:

- улучшение материального обеспечения духовенства;
- расширение его прав и преимуществ;
- предоставление детям духовенства возможности карьеры в любых сферах;
- широкое привлечение духовенства к преподавательской работе в приходских и сельских училищах².

2 августа 1864 года вышло «Положение о приходских попечительствах при православных церквях», которое по своему значению для церковной жизни было так же важно, как и учреждение земств в том же году для светской. И церковно-приходские попечительства /сокращенно ЦПП/, и земства преследовали похожие цели, каждая в своей области, основывались на выборных началах, являясь органами общественного самоуправления, и имели много других общих черт, вплоть до того, что они одинаковым образом были поставлены, будучи порождением либерального реформаторства, под жесткий контроль государства. Круг деятельности попечительств охватывал поиски средств на содержание причтов, церковных зданий, библиотек, приходских школ, домов для духовенства, больниц, богаделен и приютов. Кроме финансовых забот, на плечи духовенства ложилась забота о воспитании и обучении детей бедствующих семей, чтобы предотвратить их нужду в будущем³. Попечительства подыскивали работу для безработных и бедных. Функционирование ЦПП должно было сделать общественную роль церкви максимально продуктивной.

Расходы земств были также велики, хотя и ограничивались недостатком денежных средств. На плечи земств ложились такие заботы, как оказание продовольственной помощи населению в случае неурожая и

---

¹ Римский С.В. Указ. соч. С. 40.

² Там же. С. 92—93.

³ Римский С.В. Указ. ст. С. 44; Освальт Ю. Указ. ст. С. 146.